

Книги Андрея Величко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Цикл
«ИНЖЕНЕР»

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО
ГАТЧИНСКИЙ
КОРШУН

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 1992 году
Выпуск 774

Художник
И. Воронин

Величко А. Ф.
В27 Гатчинский коршун: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 380 с.: ил.—
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1218-1

Русско-японская война выиграна, первой революции не предвидится, лучший друг стал российским императором, племянница — императрицей, а по совместительству еще и королевой. Наконец-то дядя Жора может пожить в свое удовольствие! Ведь возраст уже преклонный, материальных затруднений нет и быть не может, казалось бы, самое время купить дачу и разводить там кошек. В принципе дядя Жора не против, но с маленькой оговоркой: он согласен быть пенсионером только в великой России, и никакая другая его почему-то не устраивает. А значит, дача отменяется. И над всей империей на страх ее врагам реет грозная тень Гатчинского коршуна.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1218-1

© Величко А. Ф., 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

*ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»,
21 ИЮЛЯ 1904 ГОДА*

...Так какая же это победа, спрашивают некоторые недалекие люди, когда не было победоносных сражений, мы не занимали вражеских столиц, не прирастили территории, не получили контрибуции, наконец? Давайте попытаемся им ответить...

Итак, что можно считать победой в войне? Ответ тут однозначный: это когда достигнуты цели войны. А какие цели были у подвергшейся нападению России? Первая — отбить это нападение. Вторая — сделать так, чтобы его повторение в обозримом будущем стало невозможным. Эти цели достигнуты, так зачем нам еще какие-то территории — у России что, своих пустых земель мало? А по поводу контрибуции...

Да, многие военные обоснованно считают, что если бы наши войска после июньской бойни перешли в наступление и под Мукденом, и под Порт-Артуром, можно было бы спокойно поднимать вопрос о контрибуции. Но в остальном-то мир остался бы тем же самым! Автор этих строк лично присутствовал на встрече Его Императорского Величества Георгия

Первого с журналистами и услышал там вот что: «Наступлений без потерь — и больших потерь — не бывает. А результатом этого наступления и последующего разгрома японских армий были бы только деньги. Я не согласен менять на золото жизни наших солдат и уверен, что они в этом меня поддерживают».

Надеюсь, все сомнения в том, что результатом японской войны стала наша победа, больше не будут приходиться в головы мыслящим людям. Но давайте подумаем: а какая это была победа? И сразу получим ответ: одна из величайших в истории! Ибо ни одна большая война еще не оканчивалась столь малыми потерями у выигравшей стороны. И они, эти потери, были не напрасны. Попробуйте сейчас найти страну, которая осмелится напасть на Россию! Наши солдаты, моряки и летчики наглядно показали всему миру, чем кончаются агрессии против нашей могучей державы...

*ИЗ РАДИОПЕРЕГОВОРОВ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГЕОРГИЯ I С ГОСУДАРСТВЕННЫМ
КАНЦЛЕРОМ КНЯЗЕМ НАЙДЕНОВЫМ
ПОРТ-АРТУРСКИМ:*

ЕИВ. Да долго ты там еще будешь возиться? Оставь шлифовать детали Дурново и двигай в Питер, из-за тебя до сих пор дата свадьбы не назначена.

ГК. Ну блин, величество, ты и даешь! Я, конечно, понимаю, любовь там... Поимей терпение, примерно неделя осталась. А если невтерпеж, женись без меня, переживу как-нибудь.

ГЛАВА 1

Насчет недели — это я по своей всегдашней привычке просил срок с запасом, переговоры в Циндао были уже практически завершены, и послезавтра, тьфу-тьфу, будем мирный договор подписывать. Пока только сам договор, секретный протокол к нему предполагалось разработать без спешки и в Гатчине.

По договору Корея признавалась исключительно японской зоной влияния. Про Ляодунский полуостров было сказано, что теперь там допускается присутствие японских вооруженных сил, а в секретном протоколе предстояло расписать график вывода нашего флота из Порт-Артура и механизм передачи прав аренды на часть территории.

— Отсюда можно сделать вывод, что у вас есть артиллерия с эффективной дальностью стрельбы в двадцать два километра, — с кислой миной сказал мне господин Ито, глядя на карту Ляодуна с нанесенной границей японской и российской зон влияния.

Я пожал плечами — типа у меня много чего есть, все так сразу и не упомнишь...

Дальний оставался нашим.

Курильские острова становились королевством, где на троне восседала королева Мария Первая. Это королевство входило в состав Черногорской империи на правах вассала.

Маньчжурия полностью сохраняла свой довоенный статус, но в секретном протоколе предполагалось прописать условия участия Японии в освоении ее природных богатств.

— А что за необязательный пункт, о котором вы говорили при первой встрече? — поинтересовался японский премьер.

— Это...— запнулся я. Ну что мне мешало лучше запомнить имя принцессы! Так как же ее зовут, а, кажется, вспомнил...— Заранее прошу прощения,— продолжил я,— если предлагаю что-нибудь неприемлемое, вы сразу скажите, настаивать не буду. Но не поженить ли нам русского принца и дочь микадо? Я имею в виду принцессу Макако.

— Может быть, Масако? — осторожно уточнил Ито.

— Разумеется, это просто неточность перевода. Так что подумайте, в случае интереса — сразу ставьте в известность меня...

Когда мирный договор был уже подписан, при прощании с Ито я сказал:

— У меня вообще-то было еще одно предложение по секретному протоколу, но я намеревался его озвучить только после достижения взаимовыгодных соглашений по всем остальным вопросам. И мне представляется, что уже можно... Суть его вот в чем. Извините за прямоту, но воевали вы в основном английским оружием. Однако в новых условиях у вас могут возникнуть финансовые трудности при продолжении этого же курса... Я предлагаю вам помощь России в вопросах развития вашей военной промышленности. Надеюсь, по результатам военных действий вы не сомневаетесь, что наше оружие, как минимум, не хуже английского?

— И вы будете поставлять нам новейшие образцы и оборудование для их производства? — не поверил Ито.

— Те, что еще только в разработке, — не обязательно, хотя и возможно. Но уже поступившие на вооружение нашей армии — да.

Разумеется, я говорил чистую правду. Господин премьер-министр ведь не стал спрашивать меня о том, что Россия, кроме армии, собралась обзавестись еще корпусом быстрого реагирования, куда и будут поступать новейшие образцы всего, включая танки и самолеты...

В Питер я вылетел на присланном за мной новом, наконец-то закончившем испытания «Кондоре». По основным параметрам, кроме дальности (она была увеличена втрое за счет полезного груза), новый борт номер один примерно соответствовал Ю-52, то есть уже мог обеспечить вполне приемлемый уровень комфорта. Провожающий меня Ито с опаской переводил взгляд с воздушного гиганта на стоящую рядом с ним и кажущуюся совсем маленькой «кошку» — видимо, вспоминал, что наделали в Сасебо всего три этих малышки, и прикидывал, что смогут при желании учинить десяток-другой «Кондоров»... Разницу между пикирующим бомбардировщиком и гражданским самолетом я ему объяснять не стал.

Почти весь полет ушел на радиоругань с Гошей — тому приспичило устроить из моего прилета шоу на тему чествования героев войны. Наконец уже в районе Казани удалось убедить величество, что для этого гораздо лучше подходят калединские отпускники по ранению, эшелон с которыми уже проехал Красноярск. Так что в Гатчине я сел тихо, без всякой помпы и

отправился обживать свое крыло дворца, в котором и был-то всего несколько раз.

Естественно, так называемое «обживание» началось с бесед с интересными людьми. Первый из них, Бенья, слегка огорчил меня сообщением, что секретарь Ламсдорфа наконец-то найден, но увы — в несколько неживом виде... Но покойник качественный, идентификация удалась на сто процентов. Однако не успел я толком погоревать по этому поводу, как Татьяна доложила, что ее служба нашла еще один труп того же секретаря, причем даже лучшего качества, чем найденный шестым отделом. Это уже вселяло оптимизм: если человек так разбрасывается своими трупами, то есть основание продолжать поиски, ибо для покойников такое поведение несколько нехарактерно.

Вечером я отправился в Аничков дворец, навесить вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Так как она уже вполне оправилась от последствий отравления, то утром, по возвращении в Гатчину, я завалился спать до обеда. «Да, пожалуй, до свадьбы сына Мари выбыла из политической жизни», — думал я, анализируя наш с ней обмен мнениями. Чем-то они там с Машей не сошлись в вопросе, сколько сантиметров до пола не должна доставать юбка невесты, так что я был строго озадачен в кратчайшие сроки повлиять на племянницу. Решив, что позиционная оборона в данном случае не годится и нужно контрнаступление, я поинтересовался, в каком именно из своих кошмарных официальных нарядов предстанет сама императрица.

— Вроде же договорились, любимая, — с невинным видом продолжал я, — что ты будешь изображать из себя умирающую старуху только две недели после

покушения, а тут уже третий месяц пошел... Поэтому хрен с ней, с племянницей, пусть про нее у Гоши голова болит, а я хочу предстать на данном мероприятии в обществе прекрасной молодой женщины, а не живого памятника позапрошлому царствованию.

— Ты что, хочешь, чтобы я вырядилась во что-то подобное наряду невесты? — с подозрением спросила Мари.

— Разумеется, нет. Наряд невесты подразумевает некое целомудрие, которым она должна выделяться из остальных дам... У тебя тут Машины рисунки есть?

Конечно, они были, и я быстро перелистал эскизы. Ага, этот вроде ничего...

— По-моему, вот этот тебе подойдет, у тебя очень красивые ноги, — предположил я, подавая ей рисунок длинноногой секс-бомбы в мини-юбке и кургузом жакетике, полы которого кончались примерно в области диафрагмы. Переждав бурю возмущения, я перешел к следующему эскизу...

В общем, мне хотелось надеяться, что хотя бы сомнения я зародил. Потому как... ну надоело мне хуже горькой редьки постоянное созерцание дам, подметающих пол подолами своих юбок!

Но все это было вчера, а сейчас, проснувшись, я сел обедать и заодно послушать свежие новости от Татьяны. Кроме всего прочего, ей было поручено присматривать за семьей покойного Ники — как во избежание, так и вообще. И вот сейчас, за чашкой кофе, она рассказала мне, что прошедшим вечером у Алисы родился сын. Разумеется, все медики в Петергофе так или иначе работали на нее, так что уже имелся подробный доклад о состоянии здоровья новорожденного. Он появился на свет несколько недоношенным, но абсолютно здоровым! Ни малейших признаков ге-

мофилии у младенца не было. «Окончательно все пошло наперекосяк! — резюмировал я про себя. — Тут уже и дети не те рождаются...» Но вообще-то я был рад за Алексея. Правда, ситуация требовала анализа. Ну и что, что прав на престол у младенца нет, — Аликс особа такая, мало ли что ей взбредет в голову, а тут и оппозиция какая-нибудь подоспеет. Ждать развития событий или превентивно ее слегка припугнуть?

«Ждать, — решил я, немного подумав. — Пусть пока посидит с дитем — пару-тройку фрейлин ей Танечка презентует, — и посмотрим, кто начнет навещать эту вдовствующую императрицу».

Ну а потом мы потратили минут двадцать на устройство личной жизни самой Татьяны. Дело было в том, что ей теперь предстояло жить в основном в Петербурге. А муж пребывал в Георгиевске, замом у Тринклера! Что меня удивило, так это то, что Танечка, кажется, даже немного по нему скучала...

Вообще-то в Питере было место как раз для Сергея Князева — здесь закладывался завод по производству судовых дизелей (точнее, тринклеров), именно по которым Сергей и был специалистом мирового уровня. Но кем его туда назначить? Директором и думать нечего — это не Тринклер, завалит все в первый же день. Главным инженером при толковом администраторе-директоре? Тоже нельзя, Сергей совершенно не умеет отстаивать свою точку зрения, а без конфликтов с администрацией не обойдется. В общем, Татьяна предложила дать своему муженьку должность зама по связям с людьми, оставив тому чисто инженерные функции. Причем не абстрактного какого-то зама — у нее уже были две кандидатуры, но она затруднялась с выбором. Вникнув в ситуацию, я предложил соломоново решение: пусть у главного инженера будет два

зама. Один по связям с начальством, другой — с подчиненными... Ну а уж проследить, чтобы главного инженера невзначай никто не обидел, Татьяна прекрасно сможет и сама. Так что я дал ей два дня на устройство семейной жизни, «Кондор» на этот же срок и пятьдесят тысяч на всякие связанные с переездом расходы.

Уходя, Татьяна оставила мне последние донесения Собакиной.

Оказывается, у той были интересные новости! Первая состояла в том, что, как раз когда я садился в «Кондор» для отлета из Циндао, к ней приехал муж, то есть де Хэвиленд. Его интересовали вопросы боевого применения «спитфайров» и переделки, внесенные в конструкцию самолета Токигавой. Но вообще над Джеффри помаленьку сгущались тучи. Адмиралтейство не могло простить ему того, что английский истребитель в боях совершенно проигрывал русскому «бобику»... Ей-богу, мне стало даже несколько обидно. Да что же эти уроды, они всерьез надеялись, что двадцатидвухлетний парень, получив от меня компоновку самолета, сделает его лучше моих образцов? Ведь самолет — это сложный комплекс, оценивать который нужно по сумме параметров, про половину которых Джеффри и знать не знал! Он решил, что истребителю нужна горизонтальная маневренность, и его «спит» действительно виражил лучше «бобиков». Но это привело только к тому, что наши навязывали японцам бой на вертикалях, к чему те были совершенно не готовы... В общем, по большому счету, самолет де Хэвиленда был не так уж плох, но высоким шишкам требовалось срочно найти виноватого. Во исполнение этого плана было заявлено, что главным

качеством истребителя является скорость, а в фирме ДХ этого не поняли, ату их...

«Роллс-Ройс» увидел в этом хороший шанс и решил влезть в склоку со своим проектом сверхскоростного истребителя. Почитав описание проекта в пересказе Ксюши, я долго и весело смеялся. Сердцем нового самолета был новый мотор. Четырехтактный, водяного охлаждения, и аж о двенадцати цилиндрах. Расположены они были в один ряд... У меня просто не хватило воображения представить себе эту кишку. «Хоть бы сначала автомобили научились нормально делать, а уж потом в небо лезли», — подумал я. Но то, что на Джеффри покатали бочку, открывало неплохие перспективы.

Жаль, конечно, что этого уродца англичане задумали слишком рано. Если я прав и в ближайшее время мировой войны не будет, то к ее началу по опыту эксплуатации роллс-ройсовского чуда уже будет придумано что-то попримечнее...

Это, кстати, общая проблема вооружения любой страны — оно должно быть хорошим, то есть новейшим, и его должно быть много. Но даже богатейшая Англия не может позволить себе содержать свой флот постоянно на пике боеготовности, а уж мы тем более... То есть руководство должно четко знать, когда будет война, и именно к ее началу готовить вооруженные силы. В этом смысле очень показателен опыт японцев — у них флот строился так, чтобы оказаться готовым и очень мощным именно в 1904 году. Начнись война на год раньше или позже — их преимущество было бы под большим сомнением...

Я уверен, еще в 1901 японцы уже не только знали, что будет война с Россией, но и когда она начнется.

Первая мировая война неизбежна — это мы при-

мом за аксиому. А значит, надо сделать так, чтобы именно к ее началу у нас развернулось производство новейших на тот момент самолетов, танков и прочего... Надо точно знать, когда сворачивать опытные работы и запускать в массовую серию то, что будет к тому моменту. А это может означать только одно: — дату начала Первой мировой войны должны назначить мы и сейчас.

ГЛАВА 2

«Уф, ну наконец-то все, — подумал я утром 8 июля 1904 года. — Наконец-то величества женились друг на друге!»

Кстати, в силу отсутствия прецедента русская императрица теперь называется не по отчеству, а по номеру. Все-таки ее величество Мария Первая, помимо всего прочего, еще и правящая королева Курил!

Свадьба вышла на славу. Сложно даже сказать, кто тут был главной звездой — Мари или Маша. Вдовствующая императрица буквально поразила весь Петербург как молодостью и красотой, так и небывалой смелостью своего наряда. Юбка открывала ножки до середины икры! В общем, на меня смотрели с завистью...

Как и положено на приличной свадьбе, не обошлось без мордобоя. Я с сомнением оглядел сбитые костяшки пальцев на обеих руках — блин, аж вспоминать неудобно, как коряво я чистил рыло красавчику Сандро! Вот что значит четыре года без практики, надо собой подзаняться, а то мало ли еще чему полезному разучусь...

Правда, Гоша был в некоторых сомнениях: мол, а хорошо ли это — вот так, на людях?.. Но Мари твердо

сказала, что так и надо! Нечего, дескать, было всякие скабрёзности говорить в её адрес. «Тем более на французском, который мне несколько незнаком», — добавил я.

Но слава аллаху, праздник позади, до коронации ещё два месяца, и можно спокойно заняться делами. Причем сегодня не всякими интригами в исполнении моих спецслужб, а мирным, созидательным, так сказать, трудом...

Я взял карандаш. Итак, мы имеем шестицилиндровый дирижабельный тринклер мощностью двести пятьдесят лошадей. Что можно сделать на базе этого механизма? Правильно, танк... Но какой?

От мысли копировать что-то из моего мира я отказался сразу — больно уж извилист оказался путь танкостроительной конструкторской мысли. Итак, что мы можем сами? Полноценное противоснарядное бронирование не потянуть, да оно и не особо нужно на первом этапе. Всяких колесно-гусеничных уродов плодить тоже не будем. Значит, исходя из скорости тридцать пять километров, получаем максимально допустимый вес тонн двадцать. Компоновка... хм? Почему не получила распространения с движком и коробкой спереди? Вроде так вполне разумно: дополнительная защита самого ценного в танке, то есть экипажа, компактность — не нужен кардан, боевое отделение объединено с моторным, управление опять же удобное. Движок, ясное дело, надо ставить поперек. Вооружение? Ну, пусть будет вариантным: для части серии используем короткоствольную трехдюймовку, а для другой — сорокопятку (под переделанные из сорокасесемимиллиметровых бронебойных, которых на складах ну просто девать некуда). Да, и заранее следует понять — сможем мы в ближайшее время

производить литые башни? Или лучше даже не пытаться, а сосредоточиться на сварке...

С местом производства будущих мирных тракторов мы определились быстро, и в Екатеринбург выехала группа для выбора конкретной территории под стройку.

Раз мы собрались-таки делать танки, то понятно, что оставить их без грузовиков я никак не мог. Так что недавно переманенный из Германии в Георгиевск, на автозавод, Луцкой уже приступил к рисованию треххосной трехтонки под четырехцилиндровый вариант того же тринклера. Если дело пойдет хорошо, то успеем потом на базе грузовика сделать и полугусеничный транспортер...

Время до обеда пролетело незаметно, а после него я принимал Федорова с Мосиным.

— Мы уже начинали обсуждать проблему, — начал я, — но сейчас настало время определиться со стратегией развития российского стрелкового оружия. Как уже говорилось, у имеющегося сейчас патрона только одно достоинство — он дешевый и технологичный. Все остальное — недостатки... Но с прошлого обсуждения появилась одна новость. В руководстве страны принято решение не допустить большой войны в течение ближайших шести-семи лет, и можно использовать эту паузу для перевооружения. Кроме того, заметно улучшившиеся отношения с Германией тоже открывают кое-какие перспективы... Владимир Григорьевич, вам слово.

— Мы сделали опытный образец пулемета под маузеровский патрон, — сообщил Федоров, — он получился на кило триста легче, двадцать процентов дешевле и несколько надежней имеющегося. Кроме того, маузеровский патрон мощнее нашего, что вовсе не лишне — именно для пулемета. Но делать под него

массовую винтовку... Не уверен, что это правильный путь.

— Я обдумал ваше предложение насчет промежуточного патрона уменьшенного калибра,— начал Мосин,— и могу сказать, что шести лет мира для перехода на него мало. Нужно вдвое больше, или же мы к началу войны останемся без винтовок и патронов. А вот ввести промежуточный трехлинейный патрон можно и успеть... Я заканчиваю карабин под него, через месяц смогу представить на испытания. С автоматом — мне нужно еще три месяца, и все равно об их массовом производстве речи пока быть не может.

— Значит,— предположил я,— тогда следует принять примерно такой стандарт для формирующихся частей. Стрелковое вооружение: треть — автоматы под маузеровский пистолетный патрон, две трети — карабины под трехлинейный промежуточный. В каждой роте — пулеметный взвод, плюс еще несколько снайперов, это под маузеровский винтовочный. В полку — батарея легких минометов, это те, что у нас уже есть. В дивизии — артиллерийский полк, вооруженный пушками, гаубицами и тяжелыми минометами.

— В вашей системе вообще не предусматриваются автоматы под промежуточный патрон? — поинтересовался Мосин.

— Только для специальных частей, а мы рассматриваем вооружение основной части армии. В связи с этим предлагаю подумать, какое именно оборудование надо закупить в Германии, в каком количестве, ну и кого туда послать, наконец, чтоб не проворовался.

После ухода оружейников я переключился на авиацию и внимательно прочитал докладную записку

Тринклера. Он предлагал в ближайшее время сосредоточиться на следующих типах моторов:

1. Двойная четырнадцатцилиндровая звезда — такие моторы стояли на «Кондоре». «Путем установки наддува их мощность можно будет поднять до пяти-сот сил», — писал Тринклер.

2. Семицилиндровая звезда, стоящая сейчас на «кошках», должна была остаться для легких транспортных и разведывательных самолетов. Наддув на этот мотор не предусматривался.

3. Предельно простой трехцилиндровый мотор мощностью порядка семидесяти сил — для учебных самолетов.

У всех движков предполагались одинаковые ЦПГ¹, клапанные механизмы и головки.

Я написал резолюцию: «Очень даже согласен, но почитайте мою бумажку!» — и, прищипив ту самую «бумажку», отложил документ для отправки.

В моей добавке содержалось общее описание и эскизные чертежи тоже четырнадцатцилиндровой, но более крупной, сорокалитровой звезды. Мне очень хотелось иметь мотор АШ-82...

Вечером в Гатчину заехал Гоша.

— Я тут провел небольшое такое исследование, — сообщил он мне. — Вот, сравни, пожалуйста, два эти списка...

— А чего их сравнивать? Я и так вижу, что они одинаковые. Только почему в правом три фамилии подчеркнуты?

— Объясняю. Правый список — это те, кто уже успел выразить мне свое возмущение безобразным поведением на ужине после свадьбы некоего Найденова, который по своей сути есть безродный выскоч-

---

¹ Цилиндро-поршневая группа.

ка. Подчеркнуты в нем те, кого на этом ужине не было. Левый — он твой, там перечислены мои родственники, подлежащие, гм... ну, в общем, подлежащие чему-то там... Так это вы с маман что, специально все подстроили?

— Ну, не то чтобы совсем специально, — признался я, — но мысль обозначить им действительное положение дел и посмотреть на реакцию была. А тут подходит эта пьяная рожа, торчащая на почетном втором месте в моем списке, и начинает что-то квакать Мари... Я еще думал, может, ну его на фиг, но Мари взяла и перевела мне его пассаж! Тут уж, извини, думать стало не о чем: раз сама императрица не поленилась при мне переводчицей поработать, значит, простым посыланием тут не обойдешься. Ну я и дал ему в репу...

— А поднимать за шкуру и второй раз давать было зачем?

— Для симметрии.

— Ох, сложная это вещь, высокая политика! — вздохнул Гоша. — Особенно для простых натур вроде меня. И кстати, на тебя генерал-адмирал обижается, что ты его не разбудил перед своей выходкой, он тоже хотел поучаствовать...

Гоша прошелся по комнате и наконец обратил внимание на листы с эскизами танков, специально оставленные на столе. Правда, сверху я положил картинку, имеющую несколько иной характер. Именно ее величество и выбрало к высочайшему рассмотрению.

— О, наконец-то, а то я уже отчаялся посмотреть на настоящий танк... Это Т-35?

— Нет, — хмыкнул я, — это Т-39, он побольше, а в моем исполнении будет еще и плавающим. Вот только мореходность ему никак не сделать приличной,

так что Ла-Манш придется переплывать исключительно в хорошую погоду.

С Гоши можно было начинать лепить статую эпического охренения. Наконец до него стало помаленьку доходить...

— Вот именно,— подтвердил я,— фотошоп — страшная сила. А заинтересуются — не пожалею сил, построю пару штук из фанеры и продемонстрирую, как замечательно они плавают. Надо ведь всему миру показать, чем занимается новый завод! Не это же им под нос совать (я потыкал пальцем в настоящие эскизы), сам видишь — мелковат, не зрелищен... Думаешь, для чего я с таким энтузиазмом ламсдорфовского секретаря ловлю, который, кстати, что-то уж очень подозрительно мордой на Рейли смахивает? Ага, на того самого, который Сидней Джордж. Просто выбить признание, как он Ники травил,— мелковато для такой фигуры. А вот если через него наладить канал поставки моего художественного творчества в Англию — это будет самое то! Никакая экономика не выдержит...

— Кстати,— посерьезнел Гоша,— наша бы выдержала... Проект сметы уже начал делать? Сразу предупреждаю, совсем зарезать ассигнования на флот не дам.

— Во как замечательно! — обрадовался я.— Мне как раз надо два линейных крейсера. Только хороших, не как эти, «императрицы» имени катамарана «Машки»... Кстати, надо с Крыловым что-то делать, больно уж вольно он с бюджетом обращается.

— Зачем тебе два крейсера? — с подозрением спросил Гоша.

— Авианосец охранять. А по поводу Крылова ты, значит, согласен? Может, вызовешь его и намекаешь?

— Твоих же любимых классиков тебе напомню,— усмехнулся Гоша.— «Кто есть король? Светлое величество...» А для пугания народа имеется специальный персонаж, которого, кстати, по углам уже называют Гатчинским коршуном. Что, не знал? Вот что значит Танечка в отпуске!

— Да,— вспомнил я,— ты Дурново утвердил на пост министра иностранных дел? А то тут послезавтра японская делегация приезжает протоколы к договору сочинять. Хоть это и неофициально, но присутствие настоящего министра там не помешает.

— Еще вчера,— кивнул Гоша,— вполне достойный человек. Теперь ждем реакции от Вилли. Да, ты в курсе насчет его последней просьбы?

— Разумеется, это же не свои клички отслеживать. Не против я, пусть евонные офицеры приезжают и изучают передовой опыт современной войны, нам нечего скрывать от своих друзей... Ну, разумеется, кроме того, что мы вообще никому не показываем. Да, насчет друзей. Вот тут списочек из вооружения, что мы в ближайшее время собираемся загнать в Страну восходящего солнца.

— Полностью всю линию по производству авиационных двухтактников? Неслабо... Все новые «бобики», а нам остаются только первого выпуска и вообще «тузики»? Ах, музей хочешь устроить, тогда ладно. Я рад за них... Восемнадцать «кошек»? А, со снятым автоматом вывода из пикирования... «Кондор» номер три? Так его же и строить еще не начали!

— Есть такое слово — «предоплата»,— пояснил я.— Вот предоплатят, и начнем.

— Надо будет с Машей посоветоваться,— прикинуло величество,— хватит у них сейчас денег или придется отсрочку давать...

— Вообще-то я предполагал все это учинить по

бартеру,— скромно сообщил я.— Понимаешь, мне нужен хороший авианосец. Вот пускай и строят!

— Один нам и сколько-то себе,— уточнил Гоша.— Ты хотел именно этого?

— Разумеется. Нам, даже в случае ухудшения отношений, ихние авианосцы по фигу, через пять лет вся Япония будет в зоне действия нашей береговой авиации. А некоторым остальным такие суденышки у берегов какого-нибудь Пирл-Харбора не помешают, я так думаю.

— Ладно, это я утверждаю,— кивнул Георгий.— Но вообще на четверг назначены посиделки в узком кругу — три величества и твоя светлость. Так что копи умные мысли, озаряйся идеями — будем прикидывать черновые наброски первого пятилетнего плана. Здесь у тебя сидеть будем, в моих покоях.

— Ладно, давно пора... Только вот что я хочу сказать: если принимаем план, то никакого стахановского движения!

— Так это твои прерогативы,— рассмеялся Гоша,— обеспечить... как бы это помягче сказать... правовую базу государственного планирования. Вплоть до уголовной ответственности за невыполнение, я не против. И еще, чуть не забыл обрадовать! В пятилетку я уже забил и реформу правописания, так что можешь больше бессонными ночами не мучиться вопросом, через «е» или через «ять» пишется твое любимое слово «хер».

ГЛАВА 3

«Все-таки нельзя разведчику быть таким бабником»,— думал я, разглядывая своего собеседника. Бывший секретарь бывшего министра иностранных

дел таки попался, причем именно Татьяниной службе и самым тривиальным образом...

— Ну, господин Каминский с паспортом на имя британского подданного Рейли, а на самом деле уроженец Херсона Зигмунд Маркович Розенблюм! — начал светскую беседу я. — Вы как, будете сознаваться сразу или предпочитаете сначала познакомиться с учениками господина Гниды? Вот только такую удивленную рожу делать не надо, не верю я, что вы ничего не слышали о моем седьмом отделе. Что? Это вы мне? Ну и наглец... Господин младший следователь, у вас есть пятнадцать минут на работу с этой скотиной, я пока тут прогуляюсь маленько по коридору...

Младший следователь господин Ли, как всегда, оправдал доверие, и через пятнадцать минут Розенблюм был уже несколько более расположен к откровенной беседе. То есть в покушении на Мари, которое вылилось в отравление Николая, он сознался, но утверждал, скотина такая, что сделал это не по заданию Сикрет Сервис, а из революционных побуждений — он-де старый социал-демократ! Услышав такое, господин Ли виновато развел руками: мол, извините, небольшая недоработка, я сейчас...

— Слушайте, вы, Зигмунд, который Шломо, — поморщился я, — постарайтесь понять простую вещь. Ни возвращение в Англию, ни даже хоть сколько-нибудь свободная жизнь вам уже не светит ни при каких условиях. Все необходимые нам сведения вы все равно расскажете, можете не сомневаться. И выбор у вас только в том, насколько вы будете похожи на человека после этого... Если похожи, то поживете еще довольно долго в комфортабельной камере, иногда, может быть, и выбираясь с соответствующими мерами предосторожности на улицу. А если показывать вас будет

уже нельзя, то... в общем, сами увидите. Господин Ли, теперь у вас есть трое суток.

Разумеется, в разговоре с пойманной легендой английского шпионажа я несколько лукавил. Он мне был очень нужен живым и относительно здоровым, готовым в любой момент рассказать мировому сообществу о страшных злодеяниях английских секретных служб... А кроме того, один из Бениных сотрудников был весьма похож на этого Сиднея Розенблюма, что тоже открывало неплохие перспективы. Дело в том, что в Лондоне скоро должен был произойти несчастный случай, в результате которого некий полковник Фрезерджил прикажет нам долго жить... А больше в Секрет Интеллидженс Сервис никто Розенблюма близко и не знал. А за пару встреч досконально запомнить человека, да чтобы через год обнаружить, что он несколько изменился, это далеко не у всякого получится. Потому как без хорошей информации и без еще лучшего канала втюхивания дезы — нам труба. Так размышлял я, идя из подвала левого крыла Гатчинского дворца на второй этаж своего правого крыла. Мне еще оставался вечер на обдумывание вопросов к завтрашнему совещанию.

Итак, впервые новая правящая верхушка Российской империи собралась в полном составе, и при этом рядом никто не помирал, ничего не горело и не взрывалось. Каждый из нас предупредил своих подчиненных, что отвлекать его можно только в случае мировой войны или аналогичных неприятностей.

Первой слово взяла Маша. Слово это было коротким и доступным даже мне, несмотря на мою далекую от безграничности осведомленность в тонких финансовых материях.

— Натe, читайте, — сказала ее величество, раздавая нам по листочку бумаги.

«О мерах по частичному восстановлению золотого стандарта», — прочитал я заголовок и с подозрением посмотрел на племянницу. Гоша с хитрым видом следил за мной — он-то наверняка уже был знаком с супружиным творением. Мари спокойно изучала свой экземпляр документа, причем даже не надевая очков, — почему-то, в отличие от меня, походы по порталам улучшили ее зрение. Я попытался вникнуть в текст, и со второго раза у меня начало получаться.

Еще Николай с нашей подачи резко ограничил возможности вывоза золота из страны, мотивировав это начавшейся войной. Мера получилась непопулярная, но тогда сразу произошло столько событий, что конкретно по этому поводу мало кто возмущался. Теперь, в силу того что наступили мирные дни, финансовую ситуацию предлагалось вернуть в прежнее, довоенное состояние... Почти. Вывоз золота был разрешен, но только с согласия специального комитета при министерстве финансов. Для получения этого согласия нужно было заполнить декларацию, причем неточности в ней карались уголовным наказанием с конфискацией имущества. Аналогичная картина была и для заграничных валют, а вот все ограничения на вывоз рублей снимались. То есть под видом частичного восстановления золотой стандарт имени покойного Витте был практически похоронен...

— Замечательно, — выразил свое отношение я, — у меня, кстати, есть предложение в тему. Оно состоит в том, — я выгащил пару листков из своей папки, — что в нашем уголовном праве просто недопустимо мало статей, согласно которым подлежит конфискация. Вот, значит, мои предложения по расширению этой чрезвычайно действенной меры: в основном я пред-

лагаю дополнить этим большинство политических статей. Ну и некоторые уголовные такая фенечка очень украсит... В общем, вместо всех этих уложений и сводов пора нормальный уголовный кодекс писать, причем поручать это милюсту как-то не хочется. Там и напишут не то, да еще и растрезвонят об этом по всему свету. Так что предлагаю создать рабочую группу и приступать не откладывая... Мои предложения по персоналиям на втором листе.

— Возражения есть? — обвел нас взглядом Гоша. — У меня тоже нет, так что принимаем оба предложения.

Он сделал пометку в своих бумагах.

— А теперь то, что хочу предложить я. Реформа образования. Подробно она расписана здесь, — он показал три тоненькие брошюры, — а я вкратце поясню, что предлагается. Обязательное всеобщее четырехклассное образование. Да понимаю я, что не успеть за пять лет, но начать-то нужно! Увеличение числа реальных училищ на балансе государства и перевод классического образования на полную самокупаемость. Ну а греческий с латынью все желающие будут зубрить за свой счет... Уточнение статуса императорских высших учебных заведений. То есть раз они императорские, то бесплатные, но учить в них будут тому, что надо императору, и так, как он указал. Однако это никоим образом не отменяет частных вузов, где вольнолюбивое студенчество сможет колбаситься, как сейчас, но только уже целиком за свои деньги. Необходимо и создание сети государственных педагогических училищ и, главное, разработка мер, которые делают обучение там престижным... Жора, это к твоему информбюро. Профтехобразование по образцу того, что сделано в Георгиевске, вроде неплохо получи-

лось. Отдельный вопрос: кому все это поручить? Есть предложения?

— Есть,— усмехнулся я,— замечательная кандидатура, зовут Оля Оболенская.— То, что на самом деле она сестра Татьяны и ее фамилия Кубышкина, знал только я.— Организация поездов-госпиталей у нее получилась отлично, да и вообще ее вклад в медицинское обеспечение войск оценивается весьма неплохо — из девочки вырос толковый администратор.

— Назначить ее министром просвещения? — усомнился Гоша.

— Зачем? Она работает дуэтом с великой княжной Ольгой, вместе у них замечательно выходит... Вот и назначить Ольгу-высочество главой госкомитета по делам образования, а Оболенскую ее товарищем.

— Поддерживаю,— кивнула Мари.— А вот реформа правописания... Это обязательно?

— Маман, пожалей Жору! — засмеялся Гоша.— Он мне уже четыре года про это плачется...

Мой пятилетний план развития промышленности особых возражений не вызвал. Правда, Гоша поначалу порывался увеличить цифры, утверждая, что деньги он как-нибудь найдет. Пришлось минут десять объяснять ему, что дело не в деньгах, а в кадрах — рабочих просто мало. Даже переселение части крестьян в города проблему не решает, потому что из них получают только подсобные рабочие... Поэтому я исходил из кадровых, а не финансовых соображений.

Высказанные Машей предложения о внутренних займах с выигрышными облигациями возражений не вызвали.

У Мари своих идей не было. Вообще, чувствовалось, что ей скучновато, но она считала присутствие здесь своим долгом и безропотно его исполняла.

После обеда началось обсуждение внешнеполитических проблем.

— Гатчинский договор с Германией накануне подписания, — объявил Гоша. — В нем стороны обязуются помогать друг другу в случае нападения на них какой-либо третьей стороны. Помощь разделена на обязательную — это прекращение торговли с агрессором — и прямую военную, которая может оказываться по просьбе подвергшейся нападению стороны.

— А что скажет приезжающая на днях французская делегация? — поинтересовалась Мари.

— Это вопрос к дяде Жоре, он у нас предиктор, — хмыкнула невдовствующая императрица.

— Что скажет? Вопить будет, слюной брызгать, — предположил я, — напоминать про союзный договор... Я его, кстати, почитал и могу сказать, что ни буквы из него мы не нарушаем, договор с Германией — это не союз. То есть пока Франция ни на кого не напала, ее эта бумага вообще не касается.

— Я хочу сделать заявление, что Россия готова заключить такой договор с любой поддерживающей ее мирные устремления страной, — уточнил Гоша.

— Окстись, — испугался я, — к тебе же через пять минут сербский посол прибежит! А этим только дай волю, так на них все Балканы нападут и половина остальной Европы в придачу.

— Идея! Надо сопровождать договор... э-э-э... назовем это взаимозалогом. То есть стороны обязуются разместить друг у друга определенные средства... Чтоб всякая нищета хулиганистая в компанию к серьезным людям не лезла, — озарилась Маша.

— А Черногория?

— Дядя, я тебе самая богатая женщина планеты или кто? И черногорско-курильская королева, между прочим... Так что не тронь мою Черногорию, с ней

все в порядке. Кстати, действительно, а почему у нас с этой империей до сих пор такой бумаги нет? Ваше величество, это недоработка.

— Отлично, — обрадовался Гоша, — договор потихоньку обретает черты общеевропейской системы коллективной безопасности.

— С нарушителями которой мы будем поступать очень строго, — кивнул я. — В связи с чем меня несколько беспокоит Австрия...

— Но у нас же с Габсбургами терпимые отношения, — пожала плечами Мари.

— Ага, настолько терпимые, что во время войны пришлось перебросить к австрийской границе еще две дивизии, — уточнил Гоша. — Причем Вилли утверждает, будто бы Вена с ним не консультировалась, и вообще он по поводу ее поведения в некотором недоумении...

— Англии нужен кто-то, согласный воевать за ее интересы с Россией, — высказал я свое видение ситуации. — И в качестве этого «кого-то» Австрия вполне сойдет... Я прогнозирую усиленную активность британских дипломатов в Вене. Вопрос же в том, как нам на это реагировать. Кстати, и в Германии последнее время начались какие-то проанглийские шевеления, возглавляемые вроде Каприви... Я этим уже занимаюсь.

— А что мешает заняться тем же самым и в Австрии? — не поняла Маша.

— Неясность вопроса: а очень ли она нам нужна? Ведь если окажется, что настроить Австрию против России не получится, в Англии мгновенно забудут все противоречия со Штатами и начнут их обхаживать по полной программе. Оно нам надо?

— Значит, вопрос с Австрией нуждается в дополнительной проработке, — подвел черту Гоша. После

чего помолчал, обвел нас взглядом и продолжил: — Я хочу внести в пятилетний план еще одно направление. Только заранее прошу не вертеть головами в поисках санитаров... Россия открывает космическую программу. Разумеется, я не жду реальных полетов ни в этой, ни в ближайших, следующих за ней пятилетках, но понемногу начинать надо. В частности, и для того, чтобы было чем увлечь активную часть молодежи.

— При чем тут санитары? Я бы и сам такое предложил, разве что чуть позже. Но раз будет государственное финансирование — очень хорошо.

— Не только государственное, — уточнила Маша, — я, как частное лицо, тоже внесу посильную лепту.

— Не разоришься?

— Наоборот, — негромко сказал Гоша.

«А, все та же вечная тема! — подумал я. — Почему это все филантропы — очень богатые люди? Где тут причина, а где следствие?..» Вслух же сказал:

— Ставить во главе проекта Циолковского категорически нельзя.

— И не будем, — кивнул Гоша. — Поморцев же справляется? Вот его и нагрузим немножко. А Циолковский будет главным теоретиком космонавтики, ведь должен же быть такой? И ее главным популяризатором заодно.

На этой оптимистической ноте и закончилось первое заседание того, что потом получило неофициальное название «политбюро».

А с утра я отправился в подвал левого крыла, где некто Рейли-Розенблюм буквально места себе не находил от желания со мной поговорить. Меня сопровождал сотрудник шестого отдела Игорь Рюмин.

По дороге я немного беспокоился, не перестарался ли младший следователь, ведь не прошло и двух суток, но увиденное меня успокоило — клиент имел вполне товарный вид. Седина ему даже шла, а дрожал и заикался он, только наткнувшись взглядом на господина Ли...

— Я так понимаю, что вы раздумали пудрить мне мозги про приверженность идеалам социал-демократии? — Собеседник быстро закивал. — Ну и хорошо... Значит, вас переводят в более комфортабельную трехкомнатную камеру. С вами будет жить господин... э-э-э... господин Максим Максимович Исаев. Он вас подробно расспросит про работу на Сикрет Сервис, ну и вообще про жизнь... А в случае чего — вы, самое главное, не волнуйтесь! — господин Ли всегда сможет помочь вам принять правильное решение, даже не дожидаясь специальной просьбы. В общем, как закончите икать, можете собираться, вас проведут.

ГЛАВА 4

«Надо же, — уважительно подумал я по внимательном прочтении пятилетнего плана в области образования, — величество неплохо поработало!» Причем видно было, что автором документа является именно Гоша.

Первым этапом было максимальное приближение населения к всеобщей грамотности. До начала разворачивания сети начальных школ движущей силой процесса должны были стать георгиевцы — подготовленные в преддверии войны агитаторы для работы в глубинке — и приходские священники. Крестьянам, имеющим грамотных детей, полагались налоговые

послабления, вплоть до полного освобождения их от налогов на какой-то срок. Критерием считалось как количество детей (многодетные семьи), так и качество их начального образования: пусть их один-два, но они шибко грамотные относительно среднего уровня.

В городах задача возлагалась на предприятия. Частные ставились перед выбором: или обеспечить рабочим и, главное, их детям возможность учиться, получив за это налоговые льготы, или не делать ничего, но со следующего года платить специальный налог, величину которого еще требовалось обдумать. На госпредприятиях у дирекции появлялась дополнительная головная боль. Но чтобы они не очень возмущались, в документе имелась приписка: «Ответственный — государственный канцлер, меры убеждения на его усмотрение». В армии, естественно, обучение солдат грамоте возлагалось на командиров.

Тут, конечно, высокого качества образования ждать не приходилось. Но ведь требовалось всего лишь научить людей читать, а с этим в состоянии справиться каждый третий.

Далее предлагались единые программы для всех государственных начальных и средних учебных заведений, примерно слизанные с советских: один иностранный язык, треть часов на гуманитарные дисциплины, две трети — на естественные. После восьми классов желающий продолжать образование имел выбор: ПТУ (два года), техникум (три), или еще два года в школе, а потом подготовительное отделение вуза (год). Тут учащимся уже полагалась стипендия. В ПТУ всем, в техникумах и вузах только отслужившим в армии или отличникам.

Учебники должны были стать едиными для всей империи, причем тут уже имелась ссылка на меня: «За

образец принять те, по которым учился государственный канцлер, ответственный он же».

Затем предполагалось создать государственную систему отбора способных учеников: конкурсы, олимпиады с призами, а также привлечение специалистов, которые будут следить, чтобы выявленные таланты имели возможность продолжить и расширить образование.

Выделялись средства на специальное издательство «Наука», основной продукцией которого должны были стать научно-популярные книги. На моем экземпляре Гоша от руки приписал: «Будь добр, найди Перельмана и помоги ему написать его занимательные физику, математику и прочее».

«Молодец его величество», — самокритично подумал я, царапая срочную записку в секретариат.

Кончался документ еще одним призывом ко мне: «Раз уж не хочешь писать сам, подготовь к изданию учебник по изобретательству твоего Альтшуллера!»

Тут я задумался. Ситуация выглядела так: вдобавок ко всем моим обязанностям на меня еще маленько навалили. А что должен делать нормальный начальник среднего звена, если высшее руководство что-то ему поручило? Правильно, тут же перепоручить это нижестоящим! По тем направлениям, которыми я занимался давно, это примерно тогда же и было сделано, но мне захотелось решить задачу в целом. Итак, кто я есть? Личный представитель императора для работы на отдельных направлениях, причем в порученных мне областях мои права равны императорским. Значит, нужны какие-то уполномоченные уже мной люди, которые будут иметь подобные моим права, ограниченные лишь местом и временем. Например, вот эта возня с грамотностью. Несколько заводов поручаются комиссару, который смотрит, хорошо ли

администрация выполняет приказ насчет учить читать. Если хорошо — открывает первую страницу служебной инструкции, где прописаны поощрения, и выбирает. Если плохо — на то будет вторая страница...

Итак, как только величество поручает мне что-то новое, я тут же вызываю из резерва комиссара, наспех царапаю ему бумажку с задачей и правами по ее решению и отправляю служить отечеству. То есть прямо тут, во дворце, благо он большой, в ближайшее время должна появиться контора — Исполнительный Комиссариат ГК. Кадры? Ну, для начала Танечку и Беню ограблю человек на пять-семь каждого, а дальше уж пусть они сами штаты расширяют. Кстати, пусть эти комиссары шастают в черной форме наподобие моей, но попроще, примерно как у штурмфюреров.

Пока я воспарял мыслью на бюрократические темы, позвонили из секретариата и сообщили, что Перельмана искать не надо. В данный момент он находится в Георгиевске, конкретно — в гостинице Приемного парка, и пишет книгу про авиацию. Грант на это дело, между прочим, прошел за личной подписью моей светлости...

М-да... я подумал и включил терминал узла связи — умеренно секретные переговоры можно было вести и из моего кабинета. Вызвав Георгиевск, я попросил без особой срочности связаться с Татьяной.

Действительно, припомнил я, подписывалась такая бумажка во время моего последнего прилета, вот только фамилия соискателя не запомнилась — кто же знал, что это тот самый Перельман! А тут и Татьяна вышла на связь.

— Добрый день, Танечка, — приветствовал я ее. — Вы когда в Питер вылетаете? Нет, не волнуйтесь, не

тороплю, завтрашнее утро меня вполне устраивает. Нет, ничего не случилось, разве что меня тут птичьей кличкой обозвали, а я и не знал... Это самое... там в Приемном парке сидит популяризатор Перельман... Что? Нет, не от слов «лизать попу». Он писатель, пишет простыми словами про сложные вещи, конкретно сейчас — про самолеты. Очень полезный господин, захватите его с собой в Питер. Со всей возможной вежливостью, уточняю...

Чуть забегаая вперед, скажу, что услышанное слово Татьяне очень понравилось, и она долго еще называла директора моего информбюро, Константина, исключительно «популизатором».

Сразу по прилете Татьяне предстояло взвалить на себя еще один геморрой — предстоящую коронацию их величеств. Совместно с Беней, ибо дело было до крайности важное.

Наверняка народ прекрасно помнил Ходинку, и надо было проследить, чтобы предстоящая коронация настолько отличалась в лучшую сторону от предыдущей, что даже самый тупой обыватель начал делать правильные выводы. Но если посмотреть с другой стороны, то было бы крайне желательно такое развитие событий, при котором за промахи в организации торжеств Гоша имел бы повод выразить московскому генерал-губернатору, великому князю Сергею, свое неудовольствие. От того, как он на это прореагирует, зависела его судьба — на своем прежнем месте при новом царе он был совершенно не нужен, но и сразу вот так, с ходу устраивать ему несчастный случай было бы проявлением неуместной торопливости.

Кстати, их величества изволили пожелать явиться в Москву на самолетах, причем со своей ближайшей свитой, благо размеры двух наших «Кондоров» позволяли. Ну, Маша ладно, а вот у Гоши откуда такой садизм — половина же весь полет будет пребывать в обмороке от страха... Хотя надо будет посмотреть, кого он собирается посадить на первый борт, на котором полетит сам, а кого на второй, к императрице-королеве. Врачей, что ли, намерен добавить к составу пассажиров? Нет, на фиг, в программе обучения стюардесс есть оказание первой помощи, вот пускай и тренируются. Зато памятку для летящих в первый раз надо обязательно составить, где крупными буквами будет категорически запрещено что-нибудь есть перед полетом и столь же категорически рекомендовано перед покорением пятого океана обязательно посетить сортир.

Отдав распоряжение отправить группу специалистов из Георгиевского БАО¹ в Тушино, на предмет начала подготовки летного поля, я снял трубку и велел запускать пришедшего ко мне визитера. Встретил я его стоя.

Евгений Сергеевич Боткин зашел в мой кабинет и остановился в некоторой растерянности.

— Прошу... — Я показал на стул около журнального столика, на котором уже стояли чай, кофе — как заварной, так и растворимый — и какие-то печенюшки.

— Нам не довелось встретиться с вами на войне, — начал я, — но ваша деятельность там известна мне достаточно хорошо и ничего, кроме восхищения, не вызывает. Хотите заняться тем же самым, но в масштабах всей России? При его величестве образуется ко-

---

¹ Батальон аэродромного обслуживания.

митет по народному здравоохранению. Со временем, я думаю, он станет министерством. На пост главы этого комитета и предлагается ваша кандидатура.

— Но я же всего лишь врач...

— Один из лучших в России. Именно такой и нужен во главе создаваемого учреждения. То есть вы, как врач, будете говорить, что надо делать. Находящиеся же в вашем подчинении чиновники придумают, как им реализовать ваши планы.

— А если не придумают? — осторожно спросил доктор.

— Я помогу. Зря вы на меня так смотрите, именно я, а не мой особый отдел... Для назначения именно вас есть две причины. Первая, как я уже говорил, — вы хороший врач. Вторая, не менее важная — у меня нет ни малейших сомнений в вашей высочайшей честности. То есть вы не допустите, чтобы из дела сохранения здоровья русского народа кто-то сделал себе кормушку... А суммы будут весьма значительными.

— Но у меня же совершенно нет опыта! И, позвольте спросить... У вас в Георгиевске имеется чрезвычайно эффективная организация, я интересовался ее работой — Департамент охраны материнства. У госпожи Князевой как раз есть большой опыт успешной работы именно в области медицинского администрирования...

— Увы, по многим важным причинам назначить Князеву главой здравоохранения нельзя, — вздохнул я. — Но всю необходимую помощь она вам окажет, завтра я познакомлю вас с этой действительно выдающейся женщиной. Вы согласны?

Бюджет на развитие здравоохранения в самом деле планировался очень приличный, примерно как на содержание императорского двора. И кстати, в основ-

ном оттуда и взятый... Их величества (все три) уже пожертвовали большую часть своего содержания на медицину, и теперь мне предстояло смотреть, с какой скоростью их примеру будут следовать все остальные лица, получающие значительные средства от казны. Пристально смотреть, с большим и несколько нехорошим интересом...

Вечером, разбирая бумаги, я наткнулся на конверт от Гоши. Надпись на нем интриговала: «Не важно и не срочно, но интересно». Мне стало именно так, и я быстро вскрыл конверт. Там оказались два документа: совсем маленькая бумажка и чье-то объемистое машинописное творение на трех страницах. Маленькая бумажка была запиской от Гоши:

«Я в некотором недоумении. По-моему, все, что мне написал Лев Николаевич, или общие слова, или бред. Но, возможно, я что-то недопонял, так что ты, как специалист по чтению между строк, тоже ознакомься с творением великого русского писателя. Может, даже ответить соберешься. Если да, то разрешаю от моего имени».

Опа, так мне, как будто в школе мало было уроков литературы, предстоит снова читать поток мысли этого долгодородного графа? Правда, тут немного, осилю... Что это он Гошу братом называет? Хотя хорошо хоть не внучком... так... вооруженное подавление рабочих восстаний уже легло черным пятном на вашу репутацию... Где же этот пахарь восстания видел, тем более с подавлением? А, в Туле был еврейский погром, полиции пришлось стрелять... Своеобразно. Так, а это еще что? «Олицетворение дьявола у подножия трона» — да кто же это у нас такой, я вроде тоже недалеко от того самого трона обитаю? Ах, это я и есть...